

Он, гад, написал, что отец мой был полицаем у немцев! - зашептал мне на ухо Дмитров. - А сам чужой орден носил столько лет... А когда его на чистую воду вывели, мстить стал.

Со мной рядом сидел журналист, «размотавший» историю украденного ордена. А через скамью вяла спина человека, который десятилетия носил на груди чужой орден. И тут он подал голос:

- Я хочу узнать у суда, как фигурирует в справках КГБ отец Дмитрова: полицай, изменник родины?

Мне было известно, что за справкой специально ездили в одну из южных, оккупированных в войну областей. Дмитров боялся: а ну как не сохранились архивы! Его отец накануне войны сидел в тюрьме - и вдруг исчез из карающих глаз. Пропал, растворился. Без вехи ГУЛАГа. Ясное дело - предатель, изменник, если не обнаружен за родной решеткой. Так кое-кому хотелось, однако справка говорила о другом.

- Посадили в тридцать седьмом как врага народа. Война развернула его судьбу по своему. Жизнь... Мать с ее орденом Красного Знамени - на поселение в пески Туркмении, а я, мальчишка, определялся как хочешь... Выжил, выучился. Семь лет служил на Северном флоте, член партии. Этот гад, - взгляд в спину истца, - говорит, что я пролез туда, скрыв правду об отце. А я сам о нем ничего не знал. Нормальный мужик, честный, предприимчивый, показал на Западе, как могут русские вкалывать...

Суд отверг обвинения Падарина (извините, что сразу не представил истца) в отношении отца Дмитрова. Право, не знаю, на что он рассчитывал, этот человек, укравший орден, но выходя из зала словенно оплеванный. Бог ему судья - за давностью лет все списано. Главное: награда передана матери сержанта Бердина, и та спрянула ее за иконой, хрупкую память, которую можно время от времени подержать в узловатых пальцах.

Я должен рассказать все, что знаю об этом. Все, как было на самом деле. Правда, изменив фамилии - таково мое негласное соглашение с участниками этой драмы. Хотя и при этом понимаю, режу по больному, но иначе нельзя. Наши разговоры в зале суда - лишь обрывки, клочки нескольких историй жизни...

...Застонали на петлях двери в железе, заклацали замки, залязгали засовы. Скорый, тяжелый топот охранников. Команда: - Выходи! С вещами!

Приказы здесь всегда одинаковые, но на сей раз, заключенные это сразу отметили, изменилась их внутренняя интонация, в ней сквозило нечто просящее. Это усиливало и без того тревожную обстановку в камере.

Заключенные знали о войне, но она разгоралась где-то далеко, и тюремный люд был уверен, что земли «своей вершка не отдадим». Вот теперь-де Сталин во всем и разберется - кто есть враг... Некоторые из них мыслили себя уже на фронте - как же без них, прошедших Гражданскую, заключенных в ней?

- Выходи! С вещами...

Василий Дмитров, пожалуй, наиболее сильно из всех сокамерников ощущал подступившую беду. Он понимал, что это конец его надеждам: он уже никому и ничего не докажет, потому что суда, которого ждал долгие месяцы, не будет. Прилюдная защита чести... На что он уповал? «Не виноват я!» - Дмитров молил неземные силы, чтобы хоть они донесли до сына крик его души. Сегодня увезут из города, и навсегда он останется «вражеской сволочью», как нарек его следователь.

- Воздух! - орал десятками глоток конвой.

Поезд набирал ход. Старенькую теплушку мотало из стороны в сторону. Но немцы накрыли их прочно. Через девять минут все было кончено. Умоляли из горящих вагонов, чтобы открыли засовы. «Фокке-вульф», пластаясь над землей, поливали

огнем очумелых, одурелых заключенных. Охранники стреляли не по близким самолетам, а хладнокровно били в спины попавших в эту свинцовую карусель людей.

Дмитров вывалился на левую сторону насыпи возле заболоченного, поросшего острой осокой ручейка. Это его и спасло. Он плюхнулся в стрекотавшую какими-то тварями жижу, замер. Самолеты ушли мгновенно, как и появились. Заключенных собирали в колонну.

- Болотце проверь, - услышал и страхом обледенел.

бег к немецким окопам. Хотя бег был частью, компонентом боя, Бердин его выделял и делал как бы главным пятном в большой картине. Там, после, в окопах, он как бы отделился от всего мира и выполнял только ему предназначенную цель, одному ему. А вот когда бежали... Тут уж он был кирпичиком целого, был в кладке, основательность которой ощущал крестьянским своим сердцем.

Понять Бердина вполне можно. Он оказался на оккупированной территории и к тому времени, как освободили его дерев-

ярьостью и вдруг обнаруженной в тебе притаенной веками силой, которая рождалась в хлеборобе, прихватывающим в поле на всякий случай рогатину, пику или дубину. Словом, Егора Бердина представили к званию Героя Советского Союза. Только вот фигой все это для него обернулось - где-то кто-то вспомнил: «Он же в оккупации был». И даже медали не получил. Но по службе продвинули - стал сержантом.

После он догадался, кто был этим кто-то - замполит полка Падарин. Все инте-

лась еще не просохшая глина. Он видел сейчас только ее, дикую и неуместную на этом добром сукне. Значит, и генерал тер пюзом эту сплошь развороченную снарядами землю, был с ними рядом. И Бердин, чего давно уже с ним не бывало, неожиданно в горле, почувствовал жалость к этому человеку, вовсе своему. Изрезанное складками крупное лицо, дряблая, спущившая жирок шея... Ему захотелось поцеловать эти морщинки, разбжавшиеся по щекам, точно годовые кольца пережившего всех дерева. Но мысль эта посетила его лишь на секунду - и дед, и отец мелькнули при сем далеко-далеко.

- Сынок, командующий наказал, вот, наказал вручить тому... - и с хлебными вперемешку с табачными крошками он извлек из глубины кармана орден Красного Знамени.

Лейтенант Назаров, убитый час тому назад, говорил:

- Пройди мы чуть левее, во-о-н тем березовым леском, им бы, гадам, и пальть не в кого было, а мы, дол...бы, вот они, прямо пред их зенками.

Кто-то куда-то кому-то позвонил, доложил, и пошло-поехало. Чего только не бывает на войне. И десант, и клин, и обходной маневр... Ни хрена, но все было поставлено с ног на голову. Теперь орден на ладони. Бердин возьмет ее - он вновь ощущал в себе те будоражащие каждую клетку силы, что правили им на той высоте, которая была для него золотой - сколько раз мысленно прилаживал отнятую звездочку к своей гимнастерке.

Бердин лежал ничком, раскинув руки, будто обнимал землю. Мертвые глаза были полны слез, может, он отплакал все враз, затихая перед вечерней зарей. В кулаке был зажат орден. Над высотой стояла оглушительная тишина. Падарин нагнулся и вытащил орден из пальцев Бердина - он ему теперь не нужен. Оглянулся на секунду, выдохнул, правда, один солдатик кричал, но это только ему так казалось, когда он видел сквозь цветное радужье Падарина и звал его на помощь беззвучным криком.

Солдатика после все-таки подобрали, и он выжил. И когда много лет спустя он приехал на встречу однополчан в Москву, то и обнаружил орден Бердина на гимнастерке Падарина. Мучала его эта догадка, а когда во сне завиделось однажды, - тут уж будто прозрение. «Командующий фронтом самолито: из кармана - и мне на грудь», - рассказывал бывший замполит. «Это же Егора награда, я все видел тогда, на высоте. Ты у него и Звездочку отнял...» - и свалился на руки друзей, еле откачал.

...Война, она обнажила человеческую сущность, четко говорила, что есть кто, и такое выдвигала с людьми, в такие немислимые истории их впутывала, что посади рядом тысячу Шехерезад - они бы и самой малости не придумали из всего того, что случилось. В довершение рассказа - немного о судьбе Василия Дмитрова, которого, помните, мы оставили у железнодорожной насыпи, откуда его погнали на работы в Германию. До конца войны - каменоломня. Соседом по нарам был чехоточный итальянец - в мирную бытность владелец небольшого магазинчика на юге Апеннин. Дмитров стал его другом и всячески, как можно исхитриться в их положении, помогал ему переносить тяготы жизни. Итальянец и дожид до победы (их лагерь оказался в американской зоне) только благодаря этой заботе. Но вскоре он умер, завещав все свое состояние русскому другу.

Гуляет по свету чужое, будто русские не предприимчивы. Василий Дмитров, начав с магазинчика, построил отель, занял казино. А доживать последние дни он приехал в Россию, где тихо и скончался в Москве на Ленинском проспекте.

Владимир ЧЕРТКОВ

ПОД СУДОМ ПОДВИГА

Случай дикий и трудно в него поверить, но он стал достоянием суда, а уж от действительности не уйдешь. Судили, собственно, войну, ибо она и свела этих людей в серенький зал судебных заседаний. Честь, совесть, изломанные судьбы, святой порыв, истерзанное сердце... Сразу столько граней человеческой жизни!

Спасла быстро накрывшая землю южная ночь. Ему бы в Москву, надо все рассказать... Но ведь он столько раз писал, а тут еще эти выстрелы в спины бегущих... Опять будут бить в глухой камере - нет, больше не вытерпит, не выдержит... Дмитрова крепко двинули ногой в плечо, и он проснулся.

- Гутен морген! - вокруг были веселые немцы.

Его погнали в Германию. После он поймет: если бы вывалился на правую сторону насыпи, его погнали бы в Сибирь или на Север в числе тех, уцелевших, кого не добила «фокке-вульф» и конвой.

Вот с этого момента война и начала сплетать судьбы журналиста Дмитрова, бывшего замполита полка Падарина и павшего на никому неизвестной высоте сержанта Бердина. Они сходились к одной, будто кем-то заранее определенной, уготованной для них точке. Много трудных дней будет у каждого из них - не дай бог еще кому-то выдержать подобное. Есть Суд Советов - ему и слово. Только вот один за себя уже ничего не скажет. Позвольте сделать это мне.

Кому это было надо? Скорее только одной кузькиной матери. Но слышались даже на Верховного... Приказы выполняются - вот и все, и они шли, вернее, неслись, точно снежный ком с кручи, грозные, тревожные, неумолимые, неслись, черт побери, вопреки здравому смыслу. Взять солпочку - и баста, хотя возле нее лежали уже десятки солдатиков. Все знали, что ничего эта солпочка не решала, ну, правит на ней свою большую ярость немец - и хрен бы с ним, с немцем. Обтекли б ее, обошли и - дальше, главный бой - впереди.

Кто видел лесные пожары, тот знает: гибельно там, где прет огонь, и нечего останавливаться у каждого догорающего ствола, пока он, лишенный всякой основы, не завалится тебе на голову и прибьет, обидно, головешками. Сопочка, в переды ее!.. Завтра вражина сам вылезет на белый свет, испугавшись обхватившей его пустоты, тут и бери его голыми руками. Но кто требовал не ждать и сулил награды, не соизмеряя их цену с тем необыкновенно великим, даже невообразимым, что могли принести эти жизни в решающих боях. Бердин, как солдат, не делил бои на главные и второстепенные, ему приказывали - он поднимался в атаку. Но на сей раз он увидел - не глазами, а каким-то озарением, нет, скорее сначала почувствовал где-то глубоко, что кладут их здесь бессмысленно, что им бы надлежало быть там, впереди, где ребята рвут глотки в крике: «За Родину! За Сталина!»

Конечно, Бердин помнил свой первый бой. Но если бы его попросили рассказать о нем, он, наверно, оказался бы в затруднении. Ему больше запомнился бег. Да-да,



КОЛПАЖ ЕЛЕННЫ КОРОВОЙ И АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

ню, вошел в призывной возраст. Парня, к его великой радости, сразу определили в армию, но то, что он несколько месяцев жил на земле, занятой врагом, не забывали. Боже, вразуми их! Обстоятельства иногда таким колом прибавляют тебе, что не дернешься та пора, когда рассказываются на духмяной земле в большой круг, чтобы сотворить трапезу. Крынки с молоком, огурцы, яйца и на главном месте - хлеб, солидные, неспешно нарезанные ломти от домашних караваев.

Бердин все переомог, ибо в нем кипел природный азарт к работе, которая испокон веку делалась на Руси всем миром. Про одну косябу вспомнит - душа счастьем заходится. По траве, в воздухе звон слаще песни любой - ведут голоса литовки... Тяжелеют потом рубахи на спинах... И вот наступает та пора, когда рассказываются на духмяной земле в большой круг, чтобы сотворить трапезу. Крынки с молоком, огурцы, яйца и на главном месте - хлеб, солидные, неспешно нарезанные ломти от домашних караваев.

И в армии Бердин снова ощутил в себе радость артельного дела. Он бежал, и не то чтобы вовсе о себе не думал, как-то не исхитрялся, чтобы себя под пулю не подставить, он бежал, чувствуя в этом беге продолжение своей жизни, великой и жалкой, уготованной лишь для него. Была уже одна солпочка в его военной биографии. Но та гвоздила к земле все наступление на их участке фронта. Одета в бетон, царствуя над огромным куском берега реки, она клала ниц тысячи людей. В стратегическом плане напоминала железнодорожную стрелку на главном, магистральном ходу, переведа которую, можно загнать поезд в тупик, на отстойные пути.

Бердин тогда одним из первых ворвался в ее укрепления. Мало их добежало. Но это был тот случай, когда берут

рессовался, как под немцем жил, хитренькие такие вопросы, а Бердин однажды и ляпни:

- Солдат у нас в избе стоял, все сестренку мою меньшую на колени себе сажал. Гладит ее по головке, а сам в фотокарточку вписывает, вздыхает, видать, дочь его на ней, беленькая, вылитая Танька. Помнится, шоколадку даже дал ей - кусочек.

- И ты, Бердин, позволил?! Фашист, шоколадка... понимаешь?!

Бердин не понимал, чего тут плохого, но крестьянским своим нутром усек, что Падарина надо сторониться, меньше попадаться ему на глаза. Он как-то слышал ночной разговор (вышли двое из землянки покурить), будто Падарин с первых дней войны на фронте и вместе с тем все где-то учится, по тылам больше обретается, потому и наград у него никаких - оттого и злом напоен. Однако Бердин тот разговор сразу и забыл, только чуточку подержал его в голове, чтобы как-то по-своему пожалеть замполита.

Много же воды утекло, пока он не оказался, будь она неладна, перед этой солпочкой. Война впервые сделала его старшим по званию среди оставшихся в живых, тех, кому надлежало взять солпочку. Не считая генерала, откуда-то вывернувшегося. Он, видать, примчался, вдоволь наслушавшись начальственных матюгов и с поступившим ему указанием: «Иди и бери ее сам, лично». «Ну зачем ему-то здесь...» - думал Бердин.

- Сынок, прошу тебя, не приказываю - прошу...

Бердин не понял, почему вдруг замолчал старый генерал и как-то суетливо полез в карман шинели, на которой смотре-



Альбина СИТИЛЕНКОВА,
директор библиотеки
имени Гайдара:

- «Московская среда» - это душа Москвы. И не только потому, что отличается какой-то нелицеприятной искренностью. Она сумела охватить все стороны жизни нашей столицы. В газете можно найти материалы на самые разные темы - от городского хозяйства до культуры и воспитания детей. Эти статьи написаны профессионально, умно. Читая их, понимаешь, что авторы - люди неравнодушные и хорошо знающие предмет. Прекрасно работают фотографы, чьи снимки раскрывают не только красоту нашего города, но и открывают ту Москву, которую многие не знают, - трудовую, настоящую.

Жизни долгой, дорогая «Московская среда»! И читателей постоянных!

Ирина ГРИГОРЬЕВА,
директор Музея воды:

- Газета «Московская среда» и Музей воды делают общее дело: мы рассказываем москвичам о прошлом и настоящем городского хозяйства, столичного водопровода, экологии города. Эта культурная, просветительская миссия очень важна. За два года существования газеты у нее появилось много читателей, сторонников, участников серьезных и заинтересованных разговоров на ее страницах о проблемах, которые волнуют москвичей. Тут и реформа ЖКХ, и развитие транспорта, и благоустройство дворов и улиц. Я знаю, что газету с вниманием читают не только рядовые москвичи, но и специалисты городского хозяйства, руководители предприятий.

Желаю вам и дальше сохранять доверие читателей. Надеюсь, что на страницах «Московской среды» будет

продолжен рассказ о жизни столицы, в том числе московских музеев, об истории городских служб, учреждений.

Валерия МИХАЛЬЧЕНКО,
молодая мама,
район Бескудниково, САО:

- Я постоянный читатель «МС». Специально каждую неделю захожу в нашу управу, беру экзemplар. Иногда неожиданно в газете встречаешь для себя какие-то советы и адреса.

В начале сентября в «МС» было опубликовано большое интервью с православным священником о. Андреем Кураевым. Та статья меня настолько взволновала и заинтересовала, что я через Яндекс нашла сайт о. Андрея Кураева и теперь с удовольствием общаюсь с православной братией на форуме этого сайта. И какие там проходят дискуссии о феминизме - сайту Марии Арбатовой и не снилось!

Или недавно прочитала публикацию о восстании в Варшаве и на той же странице - об эпизоде Великой Отечественной войны, когда танки не могли вернуться - мешали трупы... Потрясающе!

Кстати, жаль, что форум на сайте «МС» малопопечен. Было бы интересно обсуждать с москвичами чисто московские проблемы.

Юрий АЛЕКСАНДРОВ,
член ученого совета Музея истории Москвы:

- Сердечно поздравляю коллектив газеты «Московская среда» с выходом юбилейного, 100-го номера. Нас, фронтовиков Великой Отечественной войны, очень трогает та позиция, которую вы занимаете в отношении наших социальных проблем, а также в подготовке к важной дате - 60-летию Победы. Сегодня о той войне пишут много, однако вы сумели выбрать удачную композицию, которая позволяет объективно представить события, факты, неизвестные детали.